

18+

Лариса Куренчанина
Не женись, лётчик!

Лариса Куренчанина

Не женись, лётчик!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837122

SelfPub; 2020

Аннотация

Чтобы Вы сказали, услышав в баре планеты Нью-Терра историю космического лётчика о человеке, повлиявшем на деятельность всей Службы свободных космических перемещений? А если бы узнали, что вы – 163-й человек, которому он это рассказывает? В произведении содержатся сцены употребления алкоголя.

Содержание

Часть 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Часть 1

– Нет, что ни говори, а женатый лётчик – не лётчик во-все! Вот послушайте, со мной аккурат такая история приключилась, – не успел я и глазом моргнуть, как массивная среднего роста мужская фигура в скрипящей от древности пилотской куртке тёмно-лилового когда-то цвета и затёртом форменном картузе (в такое-то пекло!) привалилась к моему столику и тоном давнего знакомого продолжила, по-хозяйски потирая квадратными руками края высокой стилизованной под модерн столешницы. – Напарник мой, друг, можно сказать, «до чёрной дыры», летун первостатейный, с кем не одну тыщу парсеков на отражатели намотали и всё – под каблук какой-то марсианке с титанским акцентом! Которая «парсек» от «корсета» на слух не отличит...

Я медленно сглотнул: в горле как-то разом пересохло от такого внезапного вторжения. Сижу себе в тихом полупустом баре уютного спального райончика, спокойно потягиваю чаёк под едва слышные из динамиков под потолком новости – грамотные здесь, между прочим, дикторы, приятно. Так сказать, коротаю время, внимания не привлекаю и в честь чего такая радость и вся мне?

– Было это ещё до того, как наши высшие чины ввели пилотам обязательное поголовное холостячество, – как ни в чём не бывало продолжал звучным грудным голосом ано-

нимный мой дерзкий рассказчик. – Мой Герман Куруч только посмеивался, когда кто-то над ним подшутил: обростёшь, мол, семьёй как лайнер метеорным роем и осядешь где потише. А между тем мало кто знает, что именно он, – квадратная рука с акцентирующим перстом застыла над гладкой блестящей столешницей, – послужил десять лет назад (ну, может, больше) причиной этого судьбоносного постановления космофлота за номером 673 чтоб ему дробь 715!

Стало ясно, что навязанный монолог переходит в категорию «самое интересное впереди», а его автор с каждой фразой становится всё эмоциональнее, постепенно захватывая руками пространство столешницы. К этому я, в силу воспитания и привычки соблюдать приличия в незнакомом месте на чужой планете (на Нью-Терре я был впервые), оказался не готов. Осторожно осмотрелся – убедившись, что столь зычное выступление ничьего больше внимания не привлекло, решил поступить так же, то есть откинулся на низкую упругую спинку стула и погрузил взгляд в чашку с чаем. Не тут-то было, неугомонный бывший пилот уже придвинул от барной стойки к моему столику стул:

– Что и говорить, невыгодное положение уготовил он и для меня, да что там для меня! Для всех, кто способен ещё любить не только Вселенную! Да, так вот, уважаемый, – отражение в чашке уставилось на меня, недовольно смерило взглядом и с некоторым наездом продолжило, – а вы думаете, чего это я тут с вами сижу, пью эту дрянь!.. – он выдер-

жал паузу и смелым жестом указал за спину – на плотные нестройные ряды разномастных ёмкостей из всевозможных материалов с напитками, втиснутые в шесть рядов до самого потолка за барной стойкой (на все возрасты, вкусы и случаи жизни). На месте бармена я бы обиделся, но тот только ухмыльнулся как отмахнулся и преспокойно продолжил натирать фужер. Такой поворот меня уже озадачил, и я перевёл взгляд на собеседника. Он только этого и ждал: сощурил глубоко посаженные серые глаза, огладил запущенную пепельную с проседью бывшую «шкиперскую» бороду и завершил, наконец, театрально, – ... и про себя рассказываю? Вот то-то и оно! Нет второго такого Геры Куруча, на всём свете. И летать бы мне одному, ведь прокантовался же почти полгода без проблем, да по регламенту на судах класса «ОК-ноль К» да и на всех остальных два лётчика положено, два! А где ж я его найду – второго Геру Куруча? – он рубанул мощной ладонью по столешнице, чашка звонко подпрыгнула, посетители и ухом не повели, что ж такое?

Да он же пьян – дошло до меня. Разумеется, этот почти что одичалый вид, наивно-настырный взгляд, подрагивающие тёмные губы, грустные брови – местный пьянчуга выклянчивает очередную порцию у незнакомца. Ну, эту-то категорию мы знаем, получит свои «пять граммов» и поминай как звали, так зачем тянуть?

В подтверждение самому себе я покивал и приоткрыл было рот, чтобы окликнуть бармена, но собеседник, как оказа-

лось, наблюдал за мной гораздо внимательнее, чем я ожидал:

– Вижу, Вы меня понимаете, хоть и не пилот, а вот руководство списало и глазом... – он придвинулся ко мне через стол, его широкое лицо с наспех выбритыми розовыми щеками выражало усталый вызов. – И что прикажете теперь? Керосин на орбиту подвозить? Увольте! Не для того, Кондратий, родился!

От лица потянуло недорогим лосьоном без капли перегара. Трезв, по крайней мере, почти... Теперь я был встревожен, продолжая разглядывать собеседника и уже опасаясь гадать, чем он меня удивит в следующую минуту.

– С космофлота уволился сам, чтобы, так сказать, ни ты никому, ни тебе никто... – сорвал с головы и шмякнул на стол старый тёмно-лиловый картуз, огладил неожиданно длинную совершенно седую шевелюру, чуть кокетливо склонил голову. – Доскрёб до пенсии и сюда вот, на, так сказать, словесную панель. А что? Расскажу заезжему человеку историю, глядишь, кружечкой чего-нибудь эдакого угостит.

Я выдохнул с облегчением: всё-таки, пьяница. Занятный, оригинальный, чудаковатый, но по факту предсказуемый. Я снова кивнул, на этот раз и своим мыслям, и согласно с бывшим пилотом, а тот, широко расставив руки на столе, медленно распрямился, откидываясь назад, полушепча мечтательно:

– На прошлой неделе один землянин добрым элем расплатился. Ох и поплясал я перед ним тогда... А с Вами, гляжу,

не очень-то разговорисься.

– Отчего же? – ответил я поспешно. – Что Вам нравится в этом баре?

– Вот это разговор! – он стиснул в ладонях картуз и заговорщически надвинулся на меня. – Между нами: здесь даже водка – дрянь. Но бывают приятные исключения. Настоечки бы берёзовой для начала!

– Извольте, – заказал ему спиртное и представился, – Фаддей Клетро-Чагаин.

– Джебитракс, – с видом знатока уточнил бывший пилот мою принадлежность к расе этой планеты. – Очень приятно. Кто по профессии?

– Уроженец Джебитракса, по месту жительства землянин, – конкретизировал я, — спортивный комментатор, а Ваше имя?

– Кондратий Васильков третий, – с гордостью изрёк он и покосился на бармена, который размеренно откупоривал запотевшую высокую матовую бутылку с серыми и чёрными поперечными штрихами и водянистым желтовато-зеленоватым содержимым.

– Мне, кажется, знакомо Ваше имя, – я напряг память, как ни странно, имя было связано с моей семейной историей, – у вас в родне, возможно, были, как бы сказать... личности со странным поведением?

– Психопаты? Не-ет, что вы, какой бы из меня тогда лётчик? Хотя, с дедом моим и правда случай был, – он уставился

на меня с подозрением, – на Джепитраксе, кстати, крутился там психиатр какой-то местный, а что?

Бармен изящно водрузил высокий матовый сужающийся кверху бокал. Кондратий принял обеими руками, облизнул, предвкушая, втянул хмельной освежающий аромат.

– Мой троюродный прадед, – я испытал некоторую гордость и одновременно удивление: как тесен мир...

– А Вы знаете свою семейную историю, дружище, – похвалил Кондратий. Я поморщился: «дружище» – надо же, давно ли... – За это надо выпить. В каком-то разе повстречались потомки знакомых людей!

Кондратий приподнял бокал с намерением чокнуться.

– Благодарю, я откажусь, – покрутил за ручку чашку с недопитым чаем, искоса наблюдая за собеседником.

– Ах, ну да, сегодня же полуфинал чемпионата, – бывший пилот сделал жадный глоток из бокала и блаженно зажмурился. – У Вас ещё куча времени!

– Вот именно, – сюрприз: следит он, значит, за спортивными событиями, хотя, на этой планетке и следить-то особенно не за чем. По крайней мере, мне так показалось из новостей.

– Ну тогда и я больше пока не стану, – собеседник без сожаления отставил бокал и сложил массивные руки на груди под скрип старой куртки, взглянул на меня как-то по-особому. – Сто шестьдесят третий.

– Что?

– Сто шестьдесят третий раз рассказываю свою историю и каждый раз начинаю с «берёзовки», а вот комментатор у меня первый, – впрямь, как на «панели».

Я взглянул на круглые модернистские часы с металлическим циферблатом над входной дверью – до матча оставалось почти четыре часа, редакторы наверняка уже состряпали 3-4 варианта текстов, за импровизацией дело не станет, а добираться до стадиона сейчас, в такую жару... сидя в прохладном барчике даже думать об этом не хотелось. Я поёрзал на стуле, усаживаясь поудобнее. Да, сегодняшняя компания не из приятных, но и не худшая, чтож, пусть травит свои байки.

Восприняв моё молчание как знак согласия, Васильков третий сделал глубокий вдох, со скрипом расправил грудную клетку и приступил к рассказу:

– Притирались мы с ним друг к другу на «цигарке».

– На чём? – я усмехнулся.

– Ну, в Олимпиаде...

– Что ещё за олимпик? Не понимаю, – не смог удержаться от этого вопроса, понимая, разумеется, что это пилотский сленг, для затравки, так сказать. Осознать, что так легко вписался в игру по правилам Кондратия, было, мягко говоря, неприятно, поэтому я добавил. – Опустите эту часть.

– Никак не возможно, – назидательно изрёк бывший пилот, приблизившись ко мне и быстро моргая, – порядок есть порядок. Э, да я вижу, Вы вообще не в курсе истории совре-

менного самолётостроения.

– Ну и что? – бог с ним, пусть воображает, что я готов его слушать. Изобразил жест капитуляции. – Ладно, просветите.

– А-атлична-а-а! – тоном заправского ринг-анонсера продолжил Кондратий. – Значит, когда изобрели переброску на сверхдальние расстояния и понастроили вокзалов, появились чудачки, которым, видите ли, такой способ перемещения показался скучным, они наслаждались тем, что годами колесили в одиночестве или в компании по космосу. Конечно, развлечение не из дешёвых, но, видимо, того стоило: постепенно их набралось на целое сообщество, они расконсервировали какие смогли верфи, строили поначалу космические шхуны да яхты. Поначалу власти относились к этому как к забаве пресытившихся богатеев, а вот когда какая-то отсталая цивилизация напала на одну из дальних планет по старинке, с неба, – он потыкал для драматического эффекта указательным пальцем сверху вниз, – вот тогда это хобби оказалось как нельзя более кстати. Власти перекупили большую часть верфей, перепрофилировали под военное кораблестроение, одновременно создав Службу свободных космических полётов, окрестив пилотов и прочих корабельных трудяг по старинке лётчиками и задавшись стратегическим вопросом: как бы сделать так, чтобы в открытом космосе перемещаться и быстро, и не по магистралям. Вы вот наверняка много раз переброской пользовались, так?

Я кивнул. Кто ж в наше время считает, сколько раз куда транспортировал своё тело и разум – по делам, по личной надобности, удобно ведь!

– А в чём, в сущности, недостаток переброски? – он выдержал паузу. Я непонимающе молчал: да какие в этом способе перемещения могут быть недостатки? Пришёл на вокзал, принял бесплатное противоперегрузочное (так именуют препарат компенсации возможных последствий), дождался своего рейса (автоматика на чужой не пропустит, как ни пытайся), разместился в кабине, ощутил имитацию движения поезда или метро – кому как нравится, пара секунд и выходи на другом вокзале, на другой планете. Хоть каждый час перемещайся, была б охота. И багаж, ежели с ним привычнее, получи тут же, без нервов и очереди, и питомца своего домашнего (хоть целый выводок!) в целости и сохранности заberi. Ни тебе путаницы, ни пересадок, ни потерь, один сплошной комфорт и удовольствие. Во мне росло возмущение, Кондратий это почувствовал и поспешно сам себе ответил. – Нужен приёмник и передатчик, а следовательно, такой способ ограничивает человечество в главном – стремлении к открытию новых миров, жажде, так сказать, первопреходства.

Я поймал себя на том, что уже сижу, на моргая и подперев рукой подбородок – да, рассказчик из него был хорош, запустил-таки у меня цепочку ассоциаций: мне сразу припомнилось, как на первых порах, когда ещё существовала «девят-

ка», то есть первые девять объединённых обитаемых людьми планет, на поиски новых отправляли таким же образом экспедиции в свободное перемещение. Когда сообразили, что это ошибка, человек 70 отправили, большинство до сих пор так и путешествуют в своём каком-то измерении небытия (теоретически они могут оставаться там вечно), какие-то уже материализовались на вокзале отправления – кто сразу, кто много лет спустя.

– Полёты в космосе такого недостатка лишены, зато были в те времена ограничены скоростью света и продолжительностью жизни членов экипажа. И тут одна премудрая голова (по гроб жизни буду ей благодарен и столько же проклинать буду) додумалась таймер-кабину в корпус обычного самолёта засунуть и – нате вам! – самолёт, то есть, по-старому, космический корабль, летит, время течёт, а со стороны смотришь: преодоление скорости света, – да, покивал я в ответ, тогда же был открыт эффект Андерсена-Губенко: в условиях отсутствия гравитации время течёт иначе и затраты на обслуживание таймер-кабины практически нулевые, так что при определённых условиях космонавты прибывали на другую планету по абсолютному времени раньше, чем стартовали. Это я ещё из школьного курса физики знал. Кондратий удовлетворённо кивнул в ответ. – Первая модель такого самолёта называлась ААА.

– Аппарат антивременной Андерсена, – в тон ему отозвался я.

– Точно, сейчас как тренажёр для салаг используется, – он одобрительно поднял бокал, как тост произнёс и сделал большой глоток. – Потом всякие ТопоЛЯ да ГРОЗЫ были, их я не застал, наш первый с Герой полёт состоялся на ОЛИМПИКе – облегчённой летательной машине паравременной интегрированной космической. Её ещё «цигаркой» прозвали за внешнюю конфигурацию: с носа мощный такой «мундштук», с кормы пламя, внешний корпус из лёгкого тугоплавкого материала, который при абсолютном нуле бороздками такими покрывается, издалека на надписи похожими, в общем, выглядел аппарат что твоя газетная самокрутка.

– Чего? – опешил я от неожиданного сравнения: и слова-то такие со школы позабыл, кому же такое в голову пришло? – Газетная что?

– Газета, – бывший пилот показал в воздухе её размеры, продолжая держать пустеющий бокал, – когда бумагу ещё использовали для передачи информации при помощи отпечатанных знаков, могла использоваться и по разным другим назначениям, в частности, из неё вручную сворачивали для курения папиросы, их ещё называли «цигарками», «козьими ножками».

– Вы курите? – брезгливо поморщился я.

– Это, брат, история! – почти осуждающе произнёс он. – В своё время были они популярными в народе, особенно во времена Великой отечественной. А Вам историю планеты, где живёте, не мешало бы подтянуть.

Тоже мне, эрудит! Я чуть не обиделся, а он, видимо, почувствовав и это, как бы сам себя перебив, вернулся к рассказу:

– Ну и вот, значит, сели мы, как учили, в «цигарку» эту, – он закинул ногу на ногу и, залпом допив свою «берёзовку», демонстративно вытянул за спину пустой бокал и тут же не глядя принял вместо него новый полный (спелись, голубчики: бармен, судя по всему, знал заранее, к какой фразе «повторить»). В принципе, я-то не против, напиток выбран хоть и редкий ввиду сезонности, но не популярный и потому вполне демократичный по цене. Кондратий поставил запотевший бокал на стол и продолжил значительно бодрее: по видимому, исторический экскурс завершился, и он приступил к основной части, – познакомились: Герман Куруч пилот и командир, Кондратий Васильков штурман и связист, задание получили, машина исправна, полпути позади, метеоров напрягивали порядочно, пора корпус чистить. А, нужно сказать, ты хоть как в космосе летай, гадов этих нацепляется немерено от мелкой мелочи до вполне приличных объектов, и чтобы не стать похожим на комету и безопасно для окружающих прибыть в пункт назначения в расчётное время, требуется один-два раза приостановиться и особым образом поманеврировать. Погоняли мы свой ОЛиМПИК взад-назад, один, размером с мяч, в районе хвоста как пришитый за нами мотается. Гера тогда говорит: «Лезть надо». Я ему: «Ты чего? На курсе не скажется, пока летим, глядишь, отобьёмся,

а нет – так на подлётных манёврах отгоним или сам в атмосфере сгорит». А он своё: «Лезть надо», прямо как наш первый главный техник. Ну, думаю, максималист ты подростковый, раз тебе надо, сам и лезь, а он и правда засобирался! И надо же ему было так неудачно из кормового шлюза выйти, что этот метеор траекторию сменил и стал теперь вокруг Германа вращаться, по нисходящей траектории причём! И главное, приборы спутник этот наш нечаянный фиксируют, я его вижу, а Гера – нет! Так и сяк крутится мой командир, а всё без толку, ещё минута и бомбанёт его этот мусор космический, а последствия такого контакта, скажу я Вам, всегда непредсказуемы. Делать нечего, команду Гере закрепиться по-штормовому, даю подвижку метров на двести с разворотом на 40-10-90 градусов (дал «прикурить», так сказать) и очень удачно: стартовым пламенем метеор сбило с первого раза, а командир мой, вернувшись на свой пост, долго в себя приходил, прежде чем признать, что я с самого начала прав был.

В общем, по обоюдному согласию в бортовом журнале решили происшествие не фиксировать, с заданием справились на «хорошо», по результатам слепополётного обследования были признаны сложившимся экипажем. И доверили нам тогда новейшее транспортное средство – «оковалок», то бишь, самолёт класса «ОК-ноль К» с трогательным кодовым названием «Нимфа». Потому, что большой, в закапсулированном состоянии нескладный, словом, безобразие в космическом

масштабе. В полёте же, в развёрнутом состоянии они считались в то время непревзойдёнными по скорости и, не побоюсь этого сравнения, изяществу. Это теперь о них только специалисты помнят, потому что очень быстро им на смену пришли усовершенствованные самолёты, гораздо более простые в управлении. И потому нас на турмаршруты определили, после мы на каботаже маялись – вот тогда у нас ещё один случай произошёл, о котором особо рассказать хочу. Нет, с туристами, само собой приключения случались, а этот эпизод, можно сказать, судьбоносным стал в нашей с Германом истории, – он пригубил берёзовки. – Как сейчас помню: везём срочный груз на Авириту Малую в самый пик транзитных перевозок, тяжело летим (пожадничали авиритцы, на 20% перекрыли расчётный норматив), а мы ж были люди подневольные, объём перевозок обсуждать права не имеющие. Выруливаем кое как на самый сложный участок пути – слышим в трёхминутной паузе «СОС», судя по координатам, в нескольких часах пути (а нужно сказать, в те времена промежуточные станции техпомощи только начинали строить, и перед Авиритой Малой на сутки полёта, как назло, ни одной) и никого по близости, а тут ещё авиритцы подгоняют. Герман мой командует смену курса, рассчитываю, докладываю, что если с терпящими бедствие серьёзно, то к сроку точно не успеть. Он мне: «Семь бед – один ответ. Подумаешь, полгода за «спасибо» в счёт неустойки авиритцам полетаем. Сыты, одеты, не капает – и ладно!» – и вот мани-

пулирует себе на пульте. Подходим к терпящему бедствие, – Кондратий для наглядности выдвинул на середину стола бокал и, постукивая массивной ладонью по краю, – тоже «Нимфа», тоже гружёная, тоже на Авириту, но – чтоб тебя! – все три отражателя начисто снесло! – Кондратий взвихрил содержимое бокала и отправил половину жидкости в себя. – Это сейчас рейсовые полёты по безопасности приближаются к переброске, потому что все крупные объекты со свободной траекторией либо отловлены и пристроены, либо занесены в каталоги, а раньше предсказать столкновение с «гастролёром» таким было весьма сложно. Затормозить же или экстренно развернуть перегруженную «Нимфу» вообще чревато серьёзным ущербом, по сравнению с которым отражатели, даже все три – тьфу! Связываемся с потерпевшим пилотом, мозгуем, как быть, чтобы оттащить поближе к техпомощи, единственный, по мнению, Германа выход – бросить часть груза с обеих «Нимф» с бумом и маяком, взять второй «оковалок» на буксир до Авириты, а дальше или после за грузом вернёмся, или авиритцы сами его поймают, а может кто из пролетающих к ним толкнёт. Сбрасываем по 27 контейнеров и радёшеньки к пункту назначения почти по графику. Авиритцы, скажу я Вам, народ пр-равильный, – слегка захмелев, Кондратий, сжав губы, потряс тяжёлым кулаком в знак уважения к этой расе, – а на родной базе вместо цветов ждала нас нахлобучка, – он со вздохом потёр шею, – как будто мы разгильдяи какие первостатейные, от полётов

временно отстранили, «Нимфу» передали новому экипажу. Мы тогда подумали уже, что всё, прощай космос, но оказалось, «наверху» наше геройство иначе оценили, и через день пришло уведомление о нашем участии в конкурсе на статус членов экипажа разведгруппы. Вдохновившись перспективами, мы постарались попасть в основную группу из двадцати человек и тут выяснилось, что все 20 и есть единственный экипаж «Пинты-2». Германа во вторых пилотах оставили, штурмана ему посильнее назначили, а меня, благодаря развитым радистским навыкам, в акустики откомандировали. Очень я тогда пожалел, что согласился и Куруча на это дело подбил. Припомнил тогда родной «оковалок», «цигарку» и целых два года жил этими воспоминаниями. Экспедиции наши оказывались успешными, Гера даже медальку какую-то заработал, мне тоже знак какой-то перепал... Хватит об этом! На третий год...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.